

DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.13

УДК 338.24, ББК 65.05, 65.049

© Тарасова О.В., Исупова Е.Н.

Межрегиональная дифференциация и анализ результатов управления пространственным неравенством в КНР

Ольга Владиславовна
ТАРАСОВА

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирский национальный исследовательский университет
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: tarasova.o.vl@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3523-7641; ResearcherID: C-1915-2015

Екатерина Николаевна
ИСУПОВА

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирский национальный исследовательский университет
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: e.meitenisova@g.nsu.ru
ORCID: 0000-0003-3931-3373; ResearcherID: R-9972-2017

Аннотация. В КНР наблюдается выраженная межрегиональная дифференциация по различным показателям социально-экономического развития: по населению, уровню дохода, образования и др. Исследование возможностей управления пространственным неравенством в рамках государственной региональной политики определяет потребность в разработке подхода для комплексной оценки социально-экономического развития провинций, учитывающего возможности государственного воздействия на отдельные показатели, анализе межрегиональной дифференциации полученной оценки в динамике. Цель статьи – получение количественной оценки результатов региональной политики по провинциям КНР в контексте задачи снижения пространственного неравенства. В основе применяемой методики – расчет сводного индекса

Для цитирования: Тарасова О.В., Исупова Е.Н. (2025). Межрегиональная дифференциация и анализ результатов управления пространственным неравенством в КНР // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 230–248. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.13

For citation: Tarasova O.V., Isupova E.N. (2025). Interregional differentiation and analysis of spatial inequality governance performance in China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(5), 230–248. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.13

результатов региональной политики для 31 провинции КНР в разрезе периодов 2016–2019 и 2020–2023 гг. с учетом 55 показателей социально-экономического развития. Показатели сгруппированы по 8 ключевым блокам: Безопасность; Здравоохранение; Образование, наука и инновации; Социальная поддержка; Спорт и культура; Транспорт; Экология; Экономическое развитие. Расчеты показали, что более высокие результаты продемонстрировали преимущественно восточные и центральные провинции КНР. Коэффициент Джини по сводному индексу снизился до 0,4 по сравнению с 0,426 в период 2016–2019 гг., что говорит о снижении пространственного неравенства в КНР в результате реализации мер региональной политики. Наиболее заметен был отрыв лидеров от основной массы провинций в блоках Экология; Образование, наука и инновации; Спорт и культура; Здравоохранение. Более равномерно развиты в КНР блоки Социальная поддержка и Транспорт. В период пандемии заметно сократилась дифференциация по блокам Экономическое развитие; Спорт и культура; Здравоохранение. Показано, что индекс результатов региональной политики выше в экономически более развитых провинциях КНР и ниже в больших по площади. Ключевым фактором успеха является также вовлеченность в проекты пространственной интеграции национального уровня. Полученные результаты вносят вклад в представление о существующей дифференциации регионального развития в КНР и могут быть полезны при определении контуров региональной политики КНР на перспективу, разработке и реализации мер по выравниванию уровня социально-экономического развития провинций.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, пространственное неравенство, региональная политика, комплексная оценка, показатели, провинции, индексы, рейтинг провинций.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2 (FWZF-2024-0001) «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

Введение

На сегодняшний день в КНР наблюдается достаточно выраженная межрегиональная дифференциация – в стране сохраняется неравенство между центральными, восточными и западными провинциями. При этом в различных исследованиях отмечается не только неравенство в распределении подушевых доходов (Candelaria et al., 2010), но и в уровне развития медицины, образования (Wan et al., 2023) и в сфере экологии (Liu et al., 2018).

Региональное неравенство может приводить к различным негативным последствиям: замедлению темпов долгосрочного экономического роста, возникновению несовершенств рынка (Alesina, Perotti, 1996), ухудшению состояния институциональной среды и росту политической напряженности (Perotti, 1996; Ippolito, Cicatiello, 2019), ограничению мобильности физического и человеческого капитала (Magrini, 2004).

Возникает закономерный вопрос о возможностях государственной региональной политики¹ в снижении межрегиональной дифференциации по различным показателям социально-экономического развития территорий.

Современная региональная политика в КНР основывается на стремлении к обеспечению равномерного развития с учетом возможностей и потребностей территориальных образований. Однако успехи в рамках этого подхода еще предстоит оценить.

В становлении современных принципов регионального развития в КНР можно выделить четыре ключевых этапа (Huang et al., 2023). Первый этап (с 1949–1978 гг.) отражает прин-

¹ В контексте данного исследования под региональной политикой понимается совокупность различных направлений деятельности государства, которые существенным образом влияют на рост и развитие отдельных территорий (регионов) страны.

ципы ранней сбалансированной региональной политики. Ее целью было обеспечить стабильное развитие территорий за счет промышленного сектора. Второй период (с 1978–1995 гг.) совпал с политикой «открытости» экономики, когда Китай стремился активно развивать торговые отношения с различными странами на фоне стремительного роста мировой экономики, импульс развития получили портовые провинции. Дифференциация экономического развития усилилась, политику данного периода называют несбалансированной. Третий этап пришелся на период 1995–2013 гг., региональная политика снова стала стремиться к обеспечению сбалансированного развития регионов, но при этом стали появляться современные концепции скоординированного развития – стремление учитывать потребности и возможности отдельных провинций страны. Наконец, четвертый этап, начавшийся в 2013 году, характеризуется принципами сбалансированного и скоординированного регионального развития (Huang et al., 2023). Эти принципы находят отражение в создании полюсов роста из провинций страны или отдельных городов, различающихся по уровню экономического развития, но объединенных для решения определенной проблемы или создания определенного импульса развития для всей экономики в целом.

Цель настоящей статьи – получение количественной оценки результатов региональной политики по провинциям КНР в контексте задачи снижения пространственного неравенства.

Теоретическая основа исследования

Однозначного подхода к эмпирической оценке региональной политики на сегодняшний день не существует, поскольку выбор системы показателей и их весов для расчета результирующего показателя должны учитывать национальные особенности экономики, приоритеты развития и доступность статистической информации. J. Hoerner и P. Stephenson предложили систематизацию существующих подходов к эмпирической оценке политики регионального развития, выделяя эконометрические статистические методы оценки; методы на основе макроэкономического моделирования; качественный анализ на основе отдельных кейсов и многофакторный микроэкономический анализ (Hoerner, Stephenson, 2012).

Применение любого из упомянутых подходов требует учета большого набора показателей. Разнообразие мер и направлений региональной политики обуславливает задачу подбора показателей, в наибольшей степени отражающих наблюдаемые результаты их реализации. Получаемая комплексная оценка должна учитывать показатели, на которые государство может оказывать прямое или косвенное влияние.

Оценка региональной политики не имеет универсальных стандартов, поскольку определяется уникальными для каждой страны внутренней логикой, традициями, сложившимися под влиянием истории, политического устройства, национальными приоритетами развития и т. д. Поэтому ниже рассмотрим ряд эмпирических исследований, посвященных государственному регулированию регионального развития в КНР.

(Zeng et al., 2024) провели оценку инициативы по торговле выбросами в отдельных провинциях КНР. Авторами выделены контрольная группа территорий, успешно реализовавших проект торговли выбросами, и остальные провинции страны. Выявлены и проинтерпретированы различия в результатах экономического развития групп под воздействием экологических управляемых инициатив. Реализованный для оценки метод Difference-in-Differences (DID) является специфичным инструментом эконометрического анализа и представляет эффективным инструментом для оценки результатов отдельных инициатив, реализованных на ограниченной территории страны. Однако данный подход не позволяет комплексно оценить результаты государственного управления региональным развитием с учетом всех реализуемых мер поддержки на территории страны.

Анализ политики «Открытости Запада Китая», реализуемой с 1999 года, подразумевающей обеспечение более сбалансированного регионального развития восточной части страны, проведен в работе (Huang et al., 2023). Проект предполагал большой объем инвестиционных вложений со стороны государства в развитие инфраструктурных проектов, в сферы экологии и образования. В работе эконометрически оценена модель роста Барро с включением государственных расходов, осуществленных в рамках реализации инициативы региональной

политики. Авторы пришли к выводу, что эффект от проекта был заметен только для территорий, которые находились достаточно близко к крупным городам, участвующим в программе (до 30 км).

В другом исследовании выполнен анализ панельных данных по 285 городам КНР за период 2004–2015 гг. Было показано, что запущенный в 2009 году новый инструмент регионального развития – региональные планы развития территорий – имел различное влияние на экономический рост в городах страны (Yang et al., 2022). Авторы пришли к выводу, что включение городов в региональные планы развития в центральной и западной частях страны оказывало негативное влияние на темпы экономического роста, в то время как для городов восточной части страны наблюдался положительный значимый эффект. В работе подчеркивается значимость полученного вывода при разработке мер региональной политики национальным правительством.

Значительное количество публикаций посвящено комплексной оценке развития КНР в региональном разрезе, основанных на расчете интегральных индексов. Так, например, в работе (Long et al., 2019) рассчитан «индекс подлинного прогресса» (Genuine Progress Indicator, GPI), позволивший ранжировать провинции Китая и анализировать динамику их развития в 1997–2016 гг. Авторы отмечают, что использование комплексных индексов обеспечивает более полное представление о качестве регионального роста и может служить инструментом мониторинга и оперативного регулирования регионального развития. В частности, для провинций с неблагоприятной экологической ситуацией (низким значением субиндекса экологической среды), таких как Пекин, Шанхай, Шаньси и Гуандун, рекомендуется рассмотреть целесообразность введения дополнительных нормативов по контролю выбросов и стимулирование внедрения экологически чистых технологий. В то же время низкие значения экономического субиндекса, характерные для провинций Сычуань, Юньнань, Тибет и Ганьсу, расположенных в западной части страны, по мнению авторов, свидетельствуют о необходимости усиления государственной поддержки экономического блока, в том числе посредством вовлечения этих регионов в крупные национальные проекты.

В исследовании (Wang et al., 2024) предложен «региональный индекс устойчивого развития», рассчитанный для 31 провинции КНР за период 2013–2020 гг. на основе 18 показателей, с применением метода главных компонент. Результаты анализа выявили тесную взаимосвязь данного индекса с уровнем регионального ВРП на душу населения и показателями средней освещенности территорий, что, по мнению авторов, свидетельствует о целесообразности его применения при принятии управленческих решений относительно развития провинций.

(Jiangang et al., 2023) рассчитали интегрированный показатель доступности государственных услуг для 35 городов КНР в период с 2011–2018 гг. Для расчета использовались 18 показателей, разделенные по блокам образования, медицины, социальной поддержки (в основном программы страхования), транспорта и экологии. Jiangang с соавторами пришли к выводу, что высокий уровень государственных услуг наблюдался в городах восточных и центральных провинций, города же в западной части страны располагались на последних местах рейтинга. Также отмечалось, что качество государственных услуг может быть на недостаточно высоком уровне даже в экономически развитых городах страны (в качестве примера авторы приводят Пекин и Шанхай).

Исследование, посвященное количественной оценке эффективности регионального управления в период с 2001–2010 гг., включало анализ 47 показателей (Tang et al., 2014). Представляется дискуссионным выбор перечня показателей для расчета сводного показателя результатов регионального управления: некоторые из них относятся к одному и тому же типу государственных услуг, что, на наш взгляд, может приводить к искажению итоговых оценок. Кроме того, в указанном исследовании анализ межрегиональной дифференциации провинций по сводному показателю не проводился.

Среди российских работ также имеются исследования региональной политики КНР. Так, концептуальные основы и институциональные рамки государственного управления региональным развитием КНР подробно обсуждаются в трудах сотрудников Института Дальнего Востока РАН (КНР: экономика регионов, 2015), Института Китая и Современной Азии РАН (Чубаров, 2020; Чубаров, 2025). С.Б. Макеевой

систематизируется исторический опыт и трансформация системы планирования регионального развития в КНР с 1949 по 2019 гг. (Макеева, 2020) С.К. Песцовым проведен анализ современных принципов региональной политики КНР и ее развития в последние десятилетия. Автор подробно описывает накопленный практический опыт управления региональным развитием и рассматривает наиболее успешные управленческие кейсы (Песцов, 2023).

Монография, написанная интернациональным коллективом при участии ИСЭРТ РАН и Академии общественных наук провинции Цзянси (Экономическое развитие..., 2017), содержит попытку провести параллели в тенденциях социально-экономического развития регионов РФ и КНР, а также сравнение практик управления региональным развитием.

П.М. Мозиасом был напрямую поставлен вопрос о роли государственной политики регионального развития в снижении межпровинциальной дифференциации. В достаточно глубокой ретроспективе показано объяснение ее динамики (в терминах подушевых доходов) через призму реализуемых мер государственной региональной политики, а также внешних факторов (Мозиас, 2023). В работе Д.Б. Калашникова, И.Б. Митрофановой указывается на территориальные дисбалансы в КНР на современном этапе перехода к постиндустриальному обществу и связанные с этим новые аспекты региональной политики (Калашников, Митрофанова, 2023).

Важно отметить, что результаты региональной политики в перечисленных выше работах в целом по провинциям КНР не обсуждались (чаще делается анализ по макрорегионам или в приложении к отдельным провинциям, по отдельным показателям результативности), комплексная количественная оценка результатов политики не проводилась. Также целенаправленно не анализировалась дифференциация результатов региональной политики, не исследовалась динамика изменения показателя в условиях трансформации роли региональных властей в КНР.

Указанная трансформация произошла в результате экзогенного внешнего шока, пандемии коронавируса, начавшейся в январе 2020 года. Для быстрого и более эффективного реагирования с учетом актуальной информации провинции КНР получили большую свободу действий,

возможность реализации отдельных мер без необходимости дополнительного согласования. Такая ситуация заметно увеличила значимость согласованных мер региональной политики. Так, рассматривая меры региональной политики в провинциях Хубэй и Чжэцзян в период 2020–2022 гг. Mao Y. пришел к выводу, что скоординированные и последовательные действия провинциальных властей, эффективное взаимодействие правительства, бизнеса и домашних хозяйств могли заметно снизить негативные последствия пандемии в провинции Чжэцзян (Mao, 2023).

Пандемия оказывала значительное влияние на дифференциацию социально-экономического развития провинции КНР, этот вопрос подробно рассматривался рядом исследователей. Так, Wan W. с соавторами на основе данных для 20 провинций (218 городов) в период с 2013–2022 гг. показали, что влияние пандемии на уровень неравенства в распределении доходов сильно различалось по региональному принципу. Так, последствия были тяжелее для регионов, в которых доля услуг в ВРП была выше, также в тех, что больше зависели от внешней торговли. При этом развитие цифровизации в экономике города помогало снизить последствия в терминах неравенства распределения доходов (Wan et al., 2023).

Развивая тему причин неравномерного отклика регионального развития на пандемию, Li J. с соавторами на основе данных по 287 городам КНР показали, что скорость распространения инфекции и, соответственно, последствия Covid-19 сильно зависели не только от потока людей в первые дни пандемии из провинции Ухань и плотности населения территории, но и от характеристик городских властей (наличия высшего образования, связи с федеральными властями страны, опыта работы в сфере медицины и др.) (Li, 2022).

Таким образом, вопросы государственного управления развитием регионов, результативности и эффективности региональной политики широко обсуждаются в научном сообществе.

Критический анализ литературы показал отсутствие комплексных количественных оценок результатов реализации региональной политики в КНР. Также до настоящего момента не был представлен сравнительный анализ результатов региональной политики в КНР до и после пандемии.

Методология исследования

Для количественной оценки результатов региональной политики в КНР рассчитывается интегральный показатель социально-экономического развития территорий. Методика оценки, представленная в работе О.В. Тарасовой, С.В. Седипковой (Tarasova, Sedipkova, 2024), была модифицирована с учетом особенностей КНР.

Процесс количественной оценки включал несколько этапов: выбор показателей и наполнение каждого из рассматриваемых блоков, обработка данных (усреднение показателей, масштабирование и нормировка), определение весовых коэффициентов, расчет субиндексов по блокам и сводного индекса.

Получаемый сводный индекс результатов региональной политики, а также субиндексы по блокам для удобства интерпретации нормировались на отрезок от 1 до 100. Таким образом, провинция с лучшими показателями результатов региональной политики имели оценку индекса 100, а провинция с худшими показателями – 1. Далее строились рейтинги провинций по результатам региональной политики.

Важно отметить, что полученные оценки для провинций КНР являются относительными, т. е. позволяют сопоставлять результаты применения политики на территориях страны между собой. Другими словами, низкое значение сводного индекса для отдельной провинции КНР не свидетельствует о «плохих» результатах государственного управления региональным развитием, а о том, что результаты в других провинциях были выше.

Расчет проводился для 31 территориальной единицы провинциального уровня КНР, были исключены специальные административные районы – Гонконг (Сянган) и Макао (Аомынь) по причине отсутствия статистических данных для этих территорий.

Комплексная оценка результатов региональной политики для провинций КНР проводилась на данных за период с 2016–2023 гг. Для оценки динамики рассмотрены допандемийный период (2016–2019 гг.) и период пандемии Covid-19 (2020–2023 гг.). Сводный индекс определялся на основе усреднения ежегодных значений для каждого из рассматриваемых периодов, поскольку это позволяет сгладить возможные колебания, которые могут наблюдаться в отдельные годы.

Рассмотрение периодов до и после начала пандемии также обусловлено тем, что, как мы писали выше, после официального объявления начала пандемии в КНР в январе 2020 года провинции получили большую свободу в выборе механизмов и инструментов управления социально-экономическим развитием.

Выбор показателей для расчета сводного индекса результатов региональной политики основывался на доступности статистических данных, приоритетах и направлениях пространственного развития страны, а также определялся механизмами государственного управления и принципами региональной политики КНР. Расчет основывался на 55 показателях социально-экономического развития провинций, на которые государство может оказывать прямое и/или косвенное влияние. Они были сгруппированы по 8 блокам: Безопасность (5 показателей); Здравоохранение (4); Образование, наука и инновации (7); Социальная поддержка (7); Спорт и культура (9); Транспорт (4); Экология (6) и Экономическое развитие (13). Источником данных выступило Национальное Бюро Статистики КНР².

Вес показателей в сводном индексе определялся с учетом балльной экспертной оценки степени влияния на них государства (логика присвоения весов описана в работе (Tarasova, Sedipkova, 2024)). Вес показателя тем выше, чем меньше его уровень определяется деятельностью и решениями частного сектора (бизнеса, домохозяйств и отдельных граждан). Таким образом, вместо равных весов по 0,018 (= 1/55) показателям присвоены веса от 0,006 (получили 1 балл в соответствии с описанной выше логикой, например, динамика ВРП и производительность труда) до 0,03 (получили 5 баллов, например, количество метеорологических станций).

В таблице 1 представлен перечень показателей, их распределение по ключевым блокам, а также их баллы. При этом подчеркнем, что в рамках данной статьи мы не соотносим «план» и «факт», результаты и затраты государства на их достижение, акцентируя внимание именно на наблюдаемых «выходах» региональной политики, т. е. не обсуждаем вопросы ее результативности и эффективности.

² National Data / Official Website of National Bureau of Statistics of China. NBS. Available at: <https://data.stats.gov.cn/english/> (accessed: 20.01.2025).

Таблица 1. Показатели социально-экономического развития для расчета сводного индекса результатов региональной политики

	Название показателя	Единица измерения	Балл
<i>Безопасность</i>			
1	Освещенность улиц	количество уличных фонарей, по коэффициенту Энгеля	5
2	Генерация электроэнергии	КВт на 1 юань ВРП	4
3	Продовольственная безопасность	объем сельскохозяйственной продукции на душу населения	3
4	Протяженность оптических кабельных линий	км, по коэффициенту Энгеля	4
5	Пострадавшие в ДТП	доля погибших и пострадавших в общей численности населения, %	2
<i>Здравоохранение</i>			
6	Количество медицинских учреждений	шт., по коэффициенту Энгеля	2
7	Количество медицинского персонала	чел., по коэффициенту Энгеля	2
8	Мощность коечного фонда	кроватей, по коэффициенту Энгеля	3
9	Количество общественных туалетов	шт., по коэффициенту Энгеля	4
<i>Образование, наука и инновации</i>			
10	Выпускники высших учебных заведений	доля от численности населения, %	2
11	Количество ученых степеней	доля от численности населения, %	3
12	Количество преподавателей и сотрудников в высших учебных заведениях	чел. на 1 выпускника	2
13	Количество выпускников средних специальных и профессиональных учебных заведений	доля от численности населения, %	4
14	Количество преподавателей и сотрудников в средних специальных и профессиональных учебных заведений	чел. на 1 выпускника	3
15	Объем трудозатрат научно-исследовательского персонала промышленных предприятий	человеко-годы на 1 городского жителя	3
16	Количество поданных национальных заявок на патенты	шт. на 1 городского жителя	3
<i>Социальная поддержка</i>			
17	Доля сельского населения	%	3
18	Доля населения, имеющего доступ к газу	%	4
19	Доля населения, имеющего доступ к водопроводной воде	%	4
20	Доля сельского населения с доходом ниже прожиточного минимума	%	3
21	Количество социальных учреждений	шт., по коэффициенту Энгеля	5
22	Доля бедного сельского населения, участвующего в программе страхования, включающей пять гарантий	% в общей численности сельских жителей, живущих на доход ниже прожиточного минимума	5
23	Доля застрахованного населения	%	3
<i>Спорт и культура</i>			
24	Количество высших учебных заведений	шт., по коэффициенту Энгеля	2
25	Количество средних специальных, профессиональных учебных заведений, начальных и средних школ	шт., по коэффициенту Энгеля	3
26	Количество журналов и газет	копий на душу населения	3
27	Объемы телекоммуникационных услуг	юаней на душу населения	2
28	Количество домашних выступлений творческих групп	шт., на душу населения	2
29	Количество коллекций в музеях	шт., по коэффициенту Энгеля	4

Окончание таблицы 1

	Название показателя	Единица измерения	Балл
30	Общий объем выданных публичными библиотеками книг	человеко-раз на душу населения	1
31	Количество человек, посетивших выставки, лекции, учебные занятия в публичных библиотеках	посещений на душу населения	3
32	Количество опубликованных книг в провинции	шт.	2
<i>Транспорт</i>			
33	Обеспеченность общественным транспортом	шт., на душу населения	2
34	Протяженность железных путей	км, по коэффициенту Энгеля	2
35	Протяженность автомобильных дорог	км, по коэффициенту Энгеля	2
36	Пассажиропоток	человек*км, по коэффициенту Энгеля	2
<i>Экология</i>			
37	Количество парков на территории провинции	га, по коэффициенту Энгеля	3
38	Площадь территорий, подлежащая очистке от мусора	% от площади городских территорий	4
39	Количество транспортных средств для уборки территорий	шт., на км ²	4
40	Производительность по переработке отходов	тонн/сутки на душу населения	3
41	Объемы вывоза мусора	тонн на душу населения	3
42	Количество метеорологических станций	шт., на км ²	5
<i>Экономическое развитие</i>			
43	Среднедушевой ВРП	юаней на душу населения	2
44	Темп роста населения	%	2
45	Темп роста реального ВРП на душу населения	%	1
46	Доля сектора услуг в экономике	% от ВРП	2
47	Вариация темпов прироста реального ВРП	–	1
48	Производительность труда	юаней на 1 занятого	1
49	Обеспеченность почтовыми отделениями	шт., по коэффициенту Энгеля	4
50	Протяженность городских канализационных труб	км, по коэффициенту Энгеля	4
51	Уровень безработицы среди городского населения	%	3
52	Темп роста инвестиции в основной капитал в постоянных ценах	%	3
53	Индекс потребительских цен	%	3
54	Отношение стоимости импортируемых и экспортимущих товаров к ВРП	–	3
55	Предельная склонность к потреблению	%	2

Источник: составлено авторами.

Следует отметить некоторые особенности формирования набора показателей для расчета сводного индекса результатов региональной политики для провинций КНР. Первая – отсутствие открытых данных по спорту в официальной статистике страны. Поэтому для оценки спортивной сферы используются прокси показатели развития спорта. Так, в Китае университеты имеют большие стадионы (часто даже не один), открытые места и тренаже-

ры для занятий спортом на открытом воздухе. Аналогична ситуация и в школах как среднего, так и начального уровней. Учитывая, что школы имеют стадионы и оборудованные места для занятий спортом меньшего размера, они были рассмотрены отдельно от университетов. Также университетские стадионы привносят в жизнь населения зреющую компоненту, так как на них проводятся крупные спортивные мероприятия.

В блок Здравоохранение был включен показатель количества общественных туалетов, оборудованных в провинции. В 2015 году в КНР была начата программа строительства и ремонта санитарных объектов. Так, улучшение санитарных условий в стране во многом согласуется с целями государства в области здравоохранения. Данный аспект государственного управления приобрел новую актуальность во время пандемии Covid-19.

Интересно, что приоритетами по госбезопасности в официальных документах развития³ является среди прочего обеспечение доступности для населения электроэнергии и зерна, что обусловило включение данных показателей в анализ.

По причине стремительного роста спроса на внутренние почтовые отправления в 14-м пятилетнем плане национального экономического и социального развития КНР также был прописан приоритет активного развития почтовых сервисов, особенно в сельской местности. Данный факт определил включение обеспеченности населения почтовыми отделениями в анализ.

Развитию сельских территорий уделяется много внимания со стороны правительства КНР: их устойчивое развитие должно в перспективе обеспечить не только снижение неравенства и уровня бедности (большинство нуждающихся домашних хозяйств в КНР проживают в селах), но и позволит решить вопрос продовольственной безопасности. Действует большое число государственных программ развития сельской местности, такие как: программы по борьбе с деградацией почв; технологические программы развития территорий, в том числе за счет применения современных дронов; программы поддержки малоимущих и создание рабочих мест и др. На уровне страны действует программа поддержки малоимущих, проживающих в селах (программа «отсутствие двух беспокойств и три гарантии»),

обеспечивающая доступ к пяти основным благам — еда, одежда, образование, жилище и медицина⁴ (Yu et al., 2023). При этом в провинциях может дополнительно реализовываться ряд мер, направленных на снижение бедности на селе и поддержку возрастного населения.

В расчетах, где было необходимо, использовались относительные показатели, а не абсолютные. Например, обеспеченность парковыми зонами учитывалась по формуле коэффициента Энгеля, т. е. с учетом площади региона и среднегодовой численности населения, проживающего в регионе; численность погибших и пострадавших в ДТП учитывалась относительно общей численности населения и т.д. Также учитывался масштаб провинций. Стоимостные показатели корректировались на ВРП (генерация электроэнергии, внешнеторговый оборот) или индекс потребительских цен.

Результаты исследования

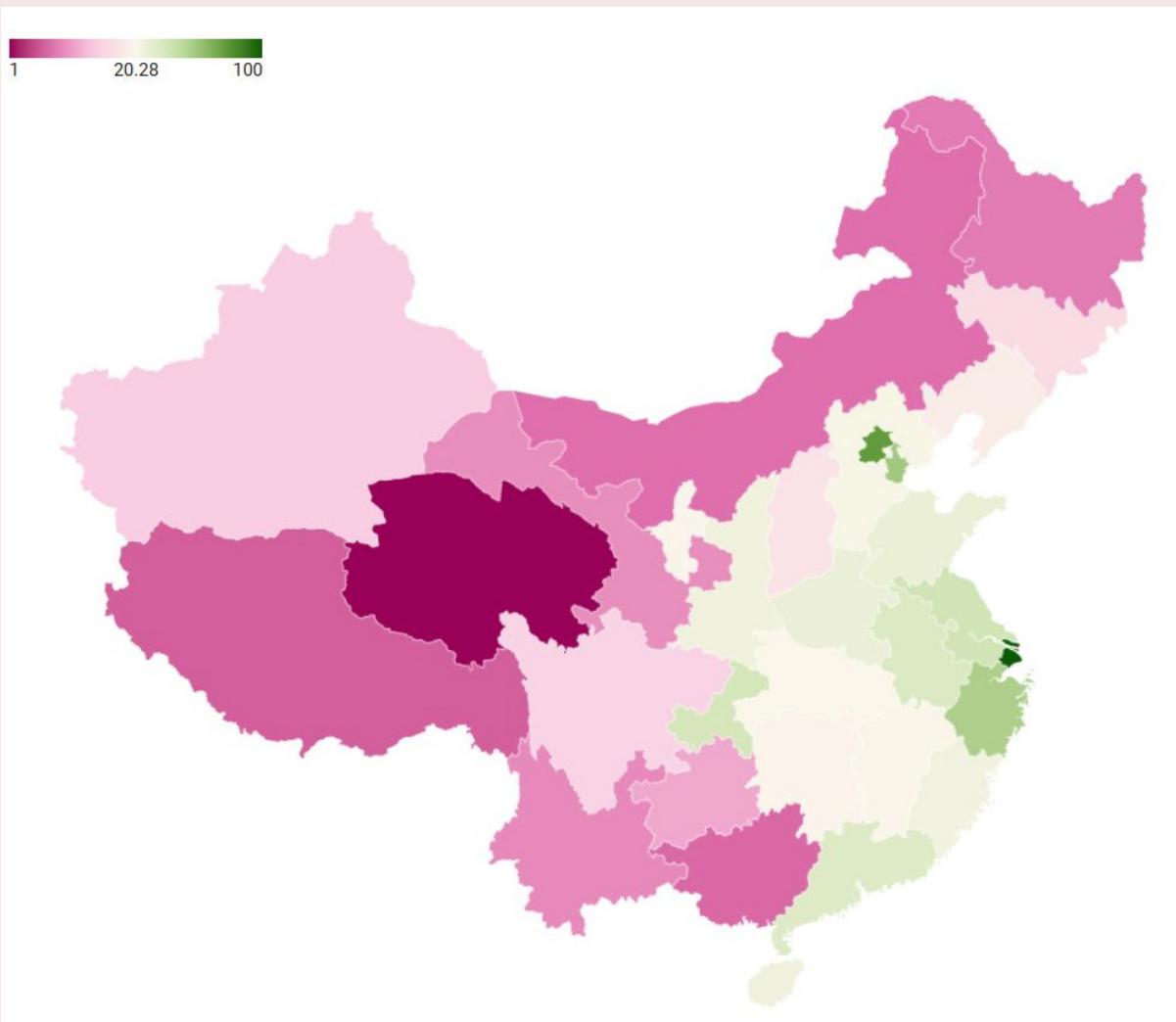
На рисунке 1 отражено картографическое представление полученных оценок сводного индекса результатов региональной политики в КНР за период 2020–2023 гг. Чем выше значение индекса, тем темнее окрашена территория.

Видно, что провинции Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой, Гуандун, Шаньдун, Хэнань, Хайнань, Шэньси, Фуцзянь, Хэбэй, Цзянси, а также города центрального подчинения – Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и Чунцин демонстрируют высокие в сравнении с остальными территориями достигнутые значения сводных индексов. При этом явным лидером является Шанхай – городу присвоено наивысшее значение индекса, равное 100. За Шанхаем со значительным отрывом следуют Пекин с 76,7 баллами. Отрыв лидеров от следующих за ними в рейтинге регионов страны также значителен: Тяньцзинь (3 место) – 56,7 балла, (4 место) – 54,4 балла. Дифференциация среди провинций, не входящих в топ-4 рейтинга, несущественна, что, возможно, является следствием сбалансированной региональной политики, которую более десяти лет декларирует китайское правительство (Deng, 2022).

³ Outline of the 14th Five Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People’s Republic of China / Official Website of People’s Government of Fujian Province. Available at: https://www.fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (accessed: 20.01.2025).

⁴ Two No Worries, Three Guarantees / Official Website of National Rural Revitalization Administration (formerly Poverty Alleviation Office). Available at: <http://www.nrra.gov.cn> (accessed: 20.03.2025).

Рис. 1. Сводный индекс результатов региональной политики по провинциям КНР за период 2020–2023 гг.

Источник: выполнено авторами по результатам расчетов.

В среднем выше оказались сводные индексы в группе восточных провинций (кроме Ляонин и Гуанси-Чжуанского АР, 19 и 29 места соответственно), а также некоторых центральных (Аньхой, Хэнань, Цзянси) и западных (Чунцин, Шэньси).

Коэффициент Джини по выборке сводных индексов равен 0,4 (в период 2016–2019 гг. – 0,426), что говорит о средней дифференциации результатов региональной политики в провинциях КНР с тенденцией к снижению.

Медиана сводного индекса оказалась низкой – 20,28 (в предыдущий период – 18,42). Это означает, что по большему количеству показателей основная часть регионов отстает от регионов-лидеров. В таблице 2 видно, что даже отставание между 1 и 2 местами стало более существенным. В рейтинге поднялись: Аньхой, Шаньдун, Хэнань, Хайнань (наиболее резко – с 17 на 11 место), значительное падение продемонстрировали Шэньси, Ляонин, Шаньси.

Таблица 2. Рейтинги по результатам региональной политики в динамике по рассматриваемым периодам

2016–2019		Провинция	2019–2023	
Место	Индекс		Индекс	Место
1	100,00	Шанхай	100,00	1
2	79,71	Пекин	76,69	2
3	58,62	Тяньцзинь	57,68	3
4	46,29	Чжэцзян	54,37	4
5	37,66	Цзянсу	41,63	5
6	34,20	Гуандун	34,93	8
7	31,53	Чунцин	39,05	6
8	24,96	Шэньси	25,20	12
9	24,90	Анхой	36,16	7
10	24,50	Шаньдун	28,09	9
11	23,62	Фуцзянь	24,93	13
12	20,76	Хэнань	27,64	10
13	19,53	Хубэй	20,28	16
14	19,32	Нинся-Хуэйский АР	20,19	17
15	18,56	Ляонин	18,95	19
16	18,42	Шаньси	17,59	20
17	17,30	Хайнань	25,52	11
18	17,25	Гуйчжоу	11,24	24
19	16,75	Хэбэй	22,00	14
20	15,12	Цзянси	20,68	15
21	13,77	Гирин	16,27	21
22	13,47	Хунань	20,01	18
23	11,33	Сычуань	15,09	22
24	11,22	Хэйлунцзян	8,14	27
25	10,17	Юньнань	9,13	26
26	9,71	Синьцзян-Уйгурский АР	14,21	23
27	6,51	Внутренняя Монголия	7,38	28
28	6,40	Гуанси-Чжуанский АР	6,86	29
29	5,86	Ганьсу	9,47	25
30	1,29	Тибет	6,21	30
31	1,00	Цинхай	1,00	31

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

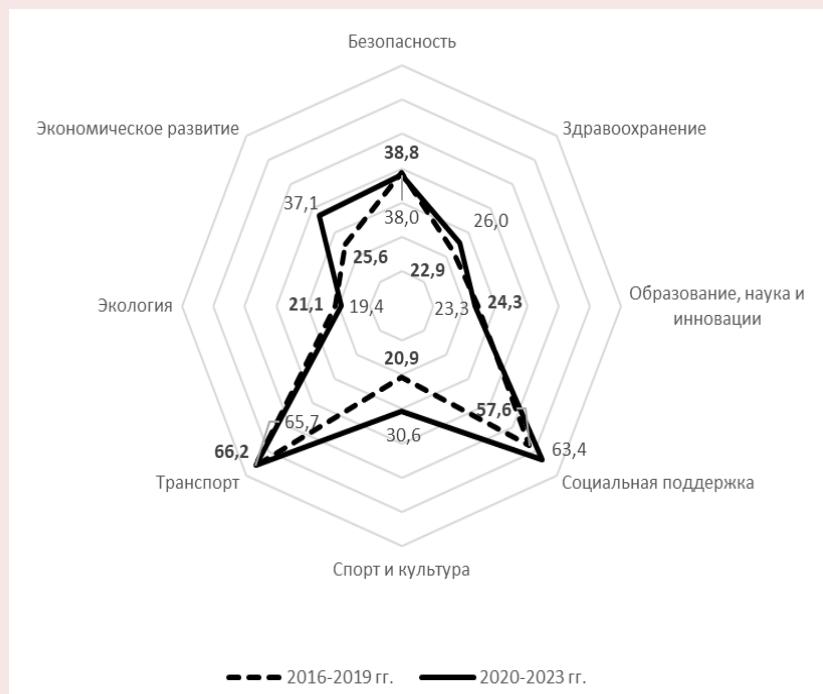
В период 2016–2019 гг. был наиболее заметен отрыв лидеров от основной массы провинций в блоках Экология; Спорт и культура; Здравоохранение; Образование, наука и инновации – эти блоки имеют самые низкие медианы (рис. 2). Существенно более равномерно развиты в КНР блоки Социальная поддержка и Транспорт.

Шок пандемии усилил дифференциацию по блокам Экология и Образование, наука и инновации. Полученные выводы согласуются с результатами других исследований. Так, R. Blundell с соавторами отмечали рост регионального неравенства в сфере образования в

провинциях КНР в период пандемии (Blundell et al., 2020). В работе Wen W. с соавторами отмечается, с одной стороны, улучшение состояния экологии в период пандемии за счет снижения уровня производства, но и масштабный негативный эффект, с другой стороны, связанный с сокращением интенсивности прилагаемых государством усилий по очистке и уборке территорий (Wen et al., 2022).

Сфера здравоохранения после начала пандемии приобрела особую значимость. От количества заболевших и темпа роста показателя зависели характер, интенсивность и продолжительность ограничительных мер, что напрямую

Рис. 2. Медианы по субиндексам блоков результатов региональной политики в КНР

Источник: выполнено авторами по результатам расчетов.

влияло на уровень социально-экономического развития территорий (Li et al., 2022). Увеличение числа заболеваний определяло рост усилий со стороны провинциальных властей в сфере Здравоохранения даже на тех территориях, которые до пандемии отставали по данному блоку. Новые санитарные нормы требовали среди прочего обеспечения высокого темпа роста количества новых общественных туалетов на территории провинций. При этом густонаселенным провинциям было сложнее обеспечить пропорциональный рост данного показателя, что привело к снижению дифференциации по блоку Здравоохранения.

Блок Спорт и культура в период 2020–2023 гг. ожидаемо продемонстрировал сокращение разрыва между большинством провинций и лидерами рейтинга: последствия ограничительных мер были более ощутимы для территорий, активно проводящих культурные мероприятия. В связи с этим снижение дифференциации результатов по блоку нельзя трактовать как положительный итог реализации мер региональной политики. Можно предположить, что ситуация восстановится после снятия ограничительных мер.

Наблюдаемое и достаточно существенное снижение дифференциации по блоку Экономическое развитие также обусловлено ухудшением положения провинций-лидеров. Этот факт отмечали и другие исследователи. Так, например, со значительным снижением темпов экономического роста в период пандемии столкнулись провинции, у которых доля внешнеторгового оборота в ВРП была на достаточно высоком уровне (Wan, 2023).

Применяемая методика расчета дает возможность идентифицировать «пространственные пробелы» на уровне отдельных сфер с тем, чтобы скорректировать приоритеты отраслевой политики. Так, низкие значения субиндексов (табл. 3) могут указывать на необходимость разработки и реализации в соответствующих провинциях дополнительных мер для укрепления их положения в блоке. Кроме того, полученные оценки могут быть полезны для властей уровня провинций и ниже с точки зрения выявления «узких» мест и принятия самостоятельных управлеченческих решений по их расширению и/или лоббированию помощи со стороны правительства страны.

Таблица 3. Субиндексы по результатам региональной политики за период 2020–2023 гг.

Провинция	Безопасность	Здравоохранение	Образование, наука и инновации	Социальная поддержка	Спорт и культура	Транспорт	Экология	Экономическое развитие	Сводный индекс
Шанхай	100,0	100,0	68,6	73,7	100,0	46,5	100,0	100,0	100,0
Пекин	24,6	71,2	100,0	64,1	88,8	100,0	88,6	63,2	76,7
Тяньцзинь	40,7	59,5	76,9	82,8	47,5	91,0	52,5	61,6	57,7
Чжэцзян	61,4	35,4	36,4	53,5	73,6	70,1	55,7	73,0	54,4
Цзянсу	85,2	41,5	44,3	1,0	52,4	84,6	32,9	63,1	41,6
Чунцин	44,6	31,6	32,5	58,0	59,5	93,0	23,9	57,6	39,0
Анхой	40,2	26,6	24,9	44,6	78,2	90,3	22,4	47,1	36,2
Гуандун	41,9	29,0	22,8	48,9	31,0	69,6	49,7	68,8	34,9
Шаньдун	46,4	40,3	19,7	41,8	41,0	91,8	13,5	49,7	28,1
Хэнань	27,6	40,2	24,2	50,1	51,9	83,1	20,3	36,3	27,6
Хайнань	38,0	22,3	14,1	50,5	30,6	49,2	44,4	50,7	25,5
Шэньси	45,0	28,0	29,0	62,3	36,0	84,8	23,8	26,0	25,2
Фуцзянь	34,6	26,1	23,3	53,2	33,8	53,3	24,7	52,7	24,9
Хэбэй	37,4	35,7	25,7	52,0	29,7	75,8	12,9	38,7	22,0
Цзянси	36,9	24,9	23,5	62,5	28,2	77,1	20,7	30,9	20,7
Хубэй	21,9	26,0	23,9	62,8	24,8	89,3	19,4	39,6	20,3
Нинся-Хуэйский АР	64,9	12,5	15,4	73,8	21,1	60,3	34,2	18,0	20,2
Хунань	29,7	27,5	19,7	39,4	32,2	81,3	19,2	43,8	20,0
Ляонин	43,7	27,1	26,4	63,8	17,9	83,9	19,4	24,7	18,9
Шаньси	28,9	22,2	28,2	63,4	42,4	59,1	13,6	16,5	17,6
Гирин	18,5	21,5	40,0	81,6	22,1	65,7	9,8	22,4	16,3
Сычуань	37,7	21,7	15,5	65,1	19,2	49,7	11,5	37,1	15,1
Синьцзян-Уйгурский АР	54,4	2,7	2,5	91,7	12,8	21,7	11,6	43,6	14,2
Гуйчжоу	31,6	22,3	7,4	66,6	16,0	61,6	6,6	33,3	11,2
Ганьсу	33,6	11,2	11,9	65,6	24,6	43,3	2,3	29,7	9,5
Юньнань	39,7	14,1	13,0	71,4	17,6	43,2	2,6	24,6	9,1
Хэйлунцзян	39,4	12,3	20,9	79,6	1,0	52,0	22,1	9,3	8,1
Внутренняя Монголия	47,4	6,9	14,6	64,3	12,7	56,1	1,0	24,4	7,4
Гуанси-Чжуанский АР	29,3	17,6	14,6	56,5	12,2	41,1	6,8	29,7	6,9
Тибет	1,0	1,0	1,0	100,0	43,2	1,0	6,4	18,2	6,2
Цинхай	25,2	2,1	5,3	78,1	27,8	33,5	2,1	1,0	1,0

Источник: составлено по результатам расчетов авторов.

Обсуждение

Представленный выше анализ результатов региональной политики в КНР будет далее дополнен поиском факторов положительной динамики показателя.

Сначала представим корреляционный анализ сводного индекса результатов региональной политики и размера провинций в терминах площади территории, численности населения и ВРП.

В таблице 4 представлены парные корреляции (и их уровень значимости) между показателями сводного индекса результатов региональной политики и размера провинции для КНР, рассчитанные на основе формулы Пирсона⁵. Можно видеть, что в КНР более высокий уровень результатов региональной политики в обоих периодах наблюдался в административно-территориальных единицах с более высоким душевым ВРП и меньшей площадью территории.

Таблица 4. Корреляционный анализ сводного индекса результатов региональной политики и размера провинции для КНР

Сводный индекс результатов региональной политики	ВРП	Численность населения	Площадь территорий
2016–2019 гг.	0,3179** (0,0813)	-0,0007 (0,9972)	-0,4885* (0,0053)
2020–2023 гг.	0,3805* (0,0347)	0,1087 (0,5606)	-0,5190* (0,0028)

Примечание: в скобках представлен уровень р-значимости для оценки уровня корреляции, * – уровень значимости при 5%, ** – уровень значимости при 10%.

Источник: выполнено авторами по результатам расчетов.

При этом следует отметить, что сонаправленность комплексной оценки результатов политики регионального развития и ВРП в провинциях стала более заметной после 2020 года (стал выше уровень значимости корреляции). Вместе с тем, показатель численности населения не демонстрировал сонаправленной динамики с индексом результатов политики ни в период с 2016–2019 гг., ни после 2020 года.

Далее, не претендуя на полноту обзора, обсудим некоторые современные масштабные проекты регионального развития КНР и включенные в них территории.

В таблице 5 представлены провинции, которые продемонстрировали значительное улучшение положения в рейтинге результатов региональной политики, а также названия проектов, в которые они были включены.

⁵ Подчеркнем, что расчет коэффициента корреляции предполагает исследование факта согласованности изменения рассматриваемых переменных и на основе его расчета не представляется возможным сделать вывод о зависимости величин.

Таблица 5. Участие провинций в пространственно-протяженных межрегиональных проектах КНР

Название провинции	Изменение положения в рейтинге	Название проекта
Аньхой	с 9 на 7 место	Экономический пояс реки Янцзы
Чунцин	с 7 на 6 место	
Цзянси	с 20 на 15 место	
Хунань	с 22 на 18 место	
Ганьсу	с 29 на 25 место	
Хэбэй	с 19 на 14 место	Цзин-Джин-Джи
Шандун	с 10 на 9 место	Желтое море – Бохайский залив

Источник: составлено авторами.

Лидеры рейтинга также включены в различные крупные национальные проекты. Так, Пекин и Тяньцзинь, вместе с заметно улучшившей свое положение в рейтинге провинцией Хэбэй, входят в проект «Цзин-Джин-Джи» (Jing-Jin-Ji), в рамках которого предполагается решение вопросов оптимизации промышленного производства и решение экологических проблем. Провинция Гуандун входит в проект «Гуандун-Гонконг-Макао», Шанхай, Цзянсу и Чжэцзян вовлечены в проект «Экономический пояс реки Янцзы».

Все упомянутые пространственно-распределенные проекты являются частью нового этапа региональной политики, стремящейся снизить неравенство в развитии территорий страны. Рассмотрим их чуть более подробно.

Проект «Экономический пояс реки Янцзы» был документально утвержден в апреле 2014 года, однако активный этап его реализации пришелся на период 2016–2020 гг. После введения санкций со стороны США в 2018 году проект получил новый импульс развития. Он был направлен на компенсирование зависимости ключевых технологических отраслей экономики от импорта комплектующих. В нем участвует 9 провинций и два города муниципального подчинения (Чунцин и Шанхай). Проект призван обеспечить равномерное и эффективное распределение промышленности с учетом экономических и экологических особенностей территорий. Запуск проекта был обусловлен следующими аспектами. Прибрежные провинции начали испытывать сложности с человеческими ресурсами, экологией и растущими издержками аренды земли, что стало формировать некоторый предел их будущего развития. С целью оп-

тимального расположения производства было принято решение его трансфера в центральную часть страны, создания индустриальных парков. В первую очередь была создана транспортная инфраструктура (речь о скоростной железной дороге, нескольких магистралях и водном пути вдоль реки Янцзы). После этого компании и региональные власти из южных провинций были вовлечены в процесс трансфера производства (автомобилестроительного, высокотехнологичного и др.), при этом участвуя в распределении будущих финансовых потоков. В проекте «Экономического пояса» выделены городские агломерации, развитие части из которых подразумевалось на основе уже имеющегося природного потенциала — запасов меди, свинца, цинка и других минеральных ресурсов. Других агломераций — на основе переноса новых производств (как правило, они располагались вдоль устья реки Янцзы). Третий объединяли имеющиеся возможности, в частности в сфере химической промышленности, с новыми, возникшими в результате переноса производств в индустриальные парки. Параллельно с переносом производств в городах активно расширялись ветки метро, тем самым позволяя большему числу населения провинций работать на новых производствах, снижая при этом издержки на труд. Таким образом, южные провинции вносили свой вклад за счет финансовых и технологических ресурсов, имеющихся прогрессивных стратегий управления, при этом центральные территории — за счет человеческого капитала и земли. Следует отметить, что некоторые провинции полностью территориально включены в проект, как, например Аньхой, Цзянси, Хунань и Чунцин. Вторая группа провинций частично вовлечена в проект, за счет включения отдельных городов и уездов (Гуйчжоу и Юньнань), третьей группе отводится вспомогательная функция, как правило, сдающаяся к обеспечению транспортной инфраструктурой на основе имеющегося потенциала без дополнительного импульса развития (Хэнань, Шэньси и Ганьсу).

Другим крупным пространственно-организационным проектом является проект «Пекин — Тяньцзинь — города провинции Хэбэй» (проект Jing-Jin-Ji). Проект официально начат в 2014 году. Он был призван решить экологическую проблему территории. В 2018 году 5 из 10 са-

мых загрязненных городов страны приходилось на территорию Jing-Jin-Ji. Заметное усиление процесса интеграции территорий наблюдалось с 2020 года. Предполагалось, что улучшение состояния окружающей среды станет возможным за счет трансфера производства, а также поддержки экологических инициатив. Города-участники проекта получили статус зоны свободной торговли партнера Тяньцзиня для облегчения условий бизнеса (Zhang et al., 2020).

Проект «Гуандун-Гонконг-Макао» получил активное развитие в 2017 году и был призван стать ключевым транспортным, технологическим, торговым и финансовым центром в национальном проекте развития международной торговли «Один пояс, один путь». В период 2020–2024 гг. наблюдалось активное развитие транспортной инфраструктуры и институциональной среды. На сегодняшний день города проекта привлекают большое число как крупных технологических корпораций, так и стартапов, чтобы создать благоприятную среду для их развития.

В крупном проекте по развитию торговых отношений участвует и провинция Хайнань, поднявшаяся в рейтинге с 17 места в период 2016–2019 гг. до 11 позиций в период 2020–2023 гг.

Таким образом, видим, что большинство провинций, заметно улучшивших положение в рейтинге по результатам региональной политики, вовлечены в успешно реализуемые пространственно-распределенные межрегиональные проекты КНР. Объединение городов и отдельных провинций позволило создать конкурентное преимущество, позволившее частично компенсировать негативные последствия пандемии. С этих позиций анализ организационной и институциональной структуры упомянутых проектов, представляя практический интерес, может стать направлением для дальнейших исследований.

Заключение

В представленной статье на основе авторской методики проведена количественная оценка результатов реализации государственной региональной политики для провинций КНР в контексте задачи снижения пространственного неравенства. Подход к оценке основан на получении сводного индекса из 55 показателей, по значениям которого сформированы рейтинги провинций. Анализ проведен в разре-

зе двух периодов: до (2016–2019 гг.) и во время пандемии Covid-19 (2020–2023 гг.).

Показано, что за исследуемый период высокие оценки результатов региональной политики наблюдались в восточных провинциях страны и на некоторых центральных территориях. Топ-3 рейтинга составили города центрально-го подчинения – Шанхай, Пекин и Тяньцзинь. Аутсайдерами рейтинга стали Цинхай и Тибет. Наиболее сбалансированными оказались ре-зультаты в провинции Цзянси, занимающей 15 место в рейтинге за 2020–2023 гг.

Коэффициент Джини по выборке сводных индексов свидетельствует о средней дифферен-циации результатов региональной политики в провинциях КНР с тенденцией к снижению – с 0,426 до 0,4.

Наиболее заметен был отрыв лидеров от ос-новной массы провинций в блоках Экология; Образование, наука и инновации; Спорт и культура; Здравоохранение. Существенно бо-лее равномерно развиты в КНР блоки Социаль-ная поддержка и Транспорт. В период пандемии заметно сократилась дифференциация по бло-кам Экономическое развитие; Спорт и культу-ра; Здравоохранение.

Важным выводом является тот факт, что провинции, заметно улучшившие положение в

рейтинге по результатам региональной полити-ки, вовлечены в успешно реализуемые проекты пространственной интеграции КНР. Это под-черкивает значимость изучения опыта КНР в применении этого механизма региональной по-литики с точки зрения возможностей адапта-ции, в том числе в российских условиях.

Также было обнаружено, что высокие оцен-ки сводного индекса результатов политики на-блюдались преимущественно в провинциях с высоким ВРП на душу населения и небольшой площа-дию территорий, о чем свидетельствуют значимые коэффициенты корреляции в 2016–2019 гг. и в 2020–2023 гг. Получается, что невоз-можно ожидать значительных результатов от реали-зации региональной политики в недоста-точно экономически развитых и/или крупных по площа-ди провинциях.

Полученные выводы представляют не только исследовательский интерес и вносят вклад в представление о существующей дифференци-ации регионального развития в КНР, но и име-ют практическую значимость. Результаты мо-гут быть полезны при определении контуров региональной политики КНР на перспективу, разработке и реализации мер по выравниванию уровня социально-экономического развития провинций.

Литература

- Калашников Д.Б., Митрофанова И.Б. (2023). Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 16. № 1. С. 128–146. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07
- КНР: экономика регионов: сборник статей. (2015) / отв. ред. А.В. Островский. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 659 с.
- Макеева С.Б. (2020). Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 4. С. 196–206. DOI: 10.31857/S086919080010846-7
- Мозиас П.М. (2023). Межпровинциальное неравенство и региональная политика в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. № 1. С. 98–126. DOI: 10.31249/RVA/2023.01.07
- Песцов С.К. (2024). Управление развитием периферийных территорий: китайская модель // Финансовая экономика. № 2. С. 64–69.
- Чубаров И.Г. (2020). Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. № 4. С. 21–33. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022
- Чубаров И.Г. (2025). Идеологические основы современной региональной политики КНР // Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая: монография. М.: Институт Китая и современной Азии РАН. С. 212–238.
- Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая: монография (2017) / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, Т.В. Ускова и др. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН. 402 с.

- Alesina A., Perotti R. (1996). Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review*, 40(6), 1203–1228.
- Blundell R., Costa D. M., Joyce R., Xu X. (2020). COVID-19 and inequalities. *Fiscal Studies*, 41, 291–319. DOI: 10.1111/1475-5890.12232
- Candelaria C., Daly M., Hale G. (2010). *Beyond Kuznets: Persistent Regional Inequality in China*. Available at: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/wp09-07bk.pdf>
- Hoerner J., Stephenson P. (2012). Theoretical perspectives on approaches to policy evaluation in EU: the case of cohesion policy. *Public Administration*, 90 (3), 699–715. DOI: 10.1111/j.1467-9299.2011.02013.x
- Huang J., Shen J., Sun Z. (2023). Understanding China's economic growth from a regional policy perspective. *China and World Economy*, 31(3), 1–26. DOI: 10.1111/cwe.12468
- Ippolito M., Cicatiello L. (2019). Political instability, economic inequality and social conflict: The case in Italy. *Panoeconomicus*, 66, 365–383. DOI: 10.2298/PAN1903365I
- Jiangang Shi, Dai X., Duan K., Li J. (2023). Exploring the performances and determinants of public service provision in 35 major cities in China from the perspectives of efficiency and effectiveness. *Socio-Economic Planning Sciences*, 85, 101441. DOI: 10.1016/j.seps.2022.101441
- Li J., Zhang J., Han Z. (2022). Regional differences of COVID-19 pandemic prevention in China: Especially from the perspective of political leaders. *Frontiers of Public Health*, 10, 1037242. DOI: 10.3389/fpubh.2022.1037242
- Liu Q., Wang S., Zhang W., Li J. (2018). Income distribution and environmental quality in China: A spatial econometric perspective. *Journal of Cleaner Production*, 205, 14–26. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.09.090
- Long L., Ji X. (2019). Economic Growth quality, environmental sustainability, and social welfare in China – provincial assessment based on Genuine Progress Indicator (GPI). *Ecological Economics*, 159, 157–176. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2019.01.002
- Magrini S. (2004). Regional (DI)Convergence. In: Henderson V., Thisse J.F. (Eds). *Handbook of Regional and Urban Economics. Vol. 4*. Elsevier Publishing. DOI: 10.1016/S1574-0080(04)80019-1
- Mao Y. (2023). What accounts for the different regional responses to COVID-19 in China? Exploring the role of institutional environment, governance capacity and legitimacy. *Health Policy and Planning*, 38(4), 552–566. DOI: 10.1093/heapol/czad007
- Perotti R. (1996). Growth, income distribution, and democracy: What the data say. *Journal of Economic Growth*, 1(2), 149–187.
- Tang R., Tang T., Lee Z. (2014). The efficiency of provincial governments in China from 2001 to 2010: Measurement and analysis. *Journal of Public Affairs*, 14(2), 142–153. DOI: 10.1002/pa.1518
- Tarasova O.V., Sedipkova S.V. (2024). Assessing public sector performance in regions of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, 14(2), 296–305. DOI: 10.1134/S2079970524600185
- Wan W., Wang J., Jiang W. (2023). Does COVID-19 exacerbate regional income inequality? Evidence from 20 provinces of China. *Sustainability*, 15, 11894. DOI: 10.3390/su151511894
- Wang C., Wang L., Zhai J. et al. (2024). Assessing progress toward China's subnational sustainable development by Region Sustainable Development Index. *Sustainable Horizons*, 11, 100099, 1–11. DOI: 10.1016/j.horiz.2024.100099
- Wen W., Li Y., Song Y. (2022). Assessing the “negative effect” and “positive effect” of COVID-19 in China. *Journal of Cleaner Production*, 375, 36160312. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.134080
- Zeng S., Fu Q., Haleem F. et al. (2024). China's carbon trading pilot policy, economic stability, and high-quality economic development. *Humanities and Social Science Communications*, 11, 1107, 1–15. DOI: 10.1057/s41599-024-03646-6
- Zhang R., Dong S., Li Z. (2020). The economic and environmental effects of the Beijing-Tianjin-Hebei Collaborative Development Strategy – Taking Hebei Province as an example. *Environmental Science and Pollution Research*, 27, 35692–35702. DOI: 10.1007/s11356-020-09790-1
- Yang Z., Shao S., Xu L., Yang L. (2022). Can regional development plans promote economic growth? City-level evidence from China. *Socio-Economic Planning Sciences*, 83, 101212. DOI: 10.1016/j.seps.2021.101212
- Yu W., Wang Q., Wang Y., Guan G., Gao Y. (2023). Does targeted poverty alleviation policy reduce poverty? Evidence from rural China. *Sage Open*, 13, 1–14. DOI: 10.1177/21582440231197281

Сведения об авторах

Ольга Владиславовна Тарасова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17); Новосибирский национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com)

Екатерина Николаевна Исупова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент, заместитель декана ЭФ НГУ по международным образовательным программам, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17); Новосибирский национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e-mail: e.meltenisova@g.nsu.ru)

Tarasova O.V., Isupova E.N.

Interregional Differentiation and Analysis of Spatial Inequality Governance Performance in China

Abstract. The People's Republic of China exhibits significant interregional differentiation across various socio-economic development indicators, including population, income level, education, and others. Researching the potential for managing spatial inequality within the framework of state regional policy necessitates the development of an approach for a comprehensive assessment of provincial socio-economic development. This approach should account for the state's capacity to influence specific development indicators and include an analysis of the interregional disparities in the resulting evaluations over time. The aim of the work is to provide a quantitative assessment of regional policy performance across the provinces of the PRC in the context of reducing spatial inequality. The methodology is based on constructing a composite index of regional policy performance for 31 PRC provinces for the periods 2016–2019 and 2020–2023, incorporating 55 socio-economic development indicators. The indicators are grouped into eight key dimensions: Security; Healthcare; Education, Science and Innovation; Social Support; Sports and Culture; Transport; Ecology; Economic Development. The empirical findings demonstrated that eastern and central Chinese provinces exhibit higher composite index values, reflecting stronger policy performance. The Gini coefficient for the composite index decreased to 0.4 compared to 0.426 in the 2016–2019 period, indicating a reduction in spatial inequality in China as a result of implemented regional policy measures. The leaders were most distinctly separated from the main group of provinces in the dimensions of Ecology; Education, Science and Innovation; Sports and Culture; and Healthcare. The dimensions of Social Support and Transport displayed a more balanced distribution of outcomes across the national territory. During the pandemic period, disparities in Economic Development; Sports and Culture; and Healthcare decreased significantly. The analysis reveals that the regional policy performance index tends to be higher in economically advanced provinces of China and lower in larger provinces. Involvement in national-level spatial integration projects also emerges as a critical success factor in improving policy performance. The obtained results contribute to a deeper understanding of existing differentiation in regional development in China and provide valuable insights for refining the strategic design of future regional policy, as well as for developing and implementing measures to balance the level of socio-economic development across its provinces.

Key words: interregional differentiation, spatial inequality, regional policy, complex assessment, indicators, provinces, indices, provincial ranking.

Information about the Authors

Olga V. Tarasova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, associate professor, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: tarasova.o.vl@gmail.com)

Ekaterina N. Isupova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, associate professor, deputy dean of the NSU ED on international educational programs, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: e.meltenisova@g.nsu.ru)

Статья поступила 10.07.2025.